

Глава 20

Эту опару Вэй Чэн замесил ещё на рассвете. Оставив тесто на тёплом кане, он дождался полудня и лишь тогда снял крышку с кадки. Небольшой белый ком за несколько часов превратился в пышную нежно-жёлтую массу. Юноша осторожно нажал пальцем на мягкий бок: на тесте осталась ямка, которая тут же плавно выровнялась, сохранив лишь едва заметный след.

Обычно для варёных пельменей тесто не оставляли доходить так долго, но Чэн помнил, что Горшочек ещё мал, а желудок его слаб. К тому же малыш любил поесть от души, и юноша рассудил, что из такого теста пельмени выйдут куда нежнее и мягче.

Посыпав ладони мукой, он принялся обминать массу и почувствовал на себе два пристальных, полных ожидания взгляда: Горшочек и Синъэр замерли рядом, не сводя с него глаз.

Придав тесту нужную форму, Вэй Чэн легонько мазнул пальцем по носу брата.

— Чего застыли? Поиграть охота?

Нос Горшочка тут же побелел от муки. Малыш вскинул лицо, став похожим на котёнка-замарашку.

— Братик, Горшочек тоже хочет мять тесто!

— Ну что ж, — согласился Вэй Чэн. — Только сначала вымой руки. То, что идёт в рот, должно быть чистым.

— Хорошо!

Малыш со всех ног бросился к тазу с водой, но на полпути вспомнил о товарище. Он подхватил Синъэра под мышки и нежно пролепетал:

— Синъэр, тебе тоже надо помыть лапки.

Чэн едва не поперхнулся:

— Волку лапы мыть не нужно! Он весь в шерсти, если сунет лапы в миску — пельменей нам не видать!

— Ладно... — Горшочек разочарованно поджал губы.

Волчонок обиженно твякнул, повёл чёрными ушками и, поджав хвост, забился в угол.

Когда Горшочек закончил умываться, брат заботливо вытер его ладошки полотенцем и подвернул ему рукава, обнажив пухлые, точно перетянутые ниточками, белые ручонки.

— Готово. Приступай.

Юноша отщипнул кусочек теста и положил перед братом.

— Мни.

Малыш осторожно ткнул пальцем в податливый бок и восторженно охнул:

— Какое мягкое! Смешное!

— Хорошее тесто всегда такое, податливое, — улыбнулся Вэй Чэн, продолжая работу. — Все те булочки и лепёшки, что ты ел, делают из такого же.

Чёрные глазёнки Сяо Юя загорелись:

— Горшочек тоже сделает булочку!

— Делай что хочешь, только зерно не переводи.

Юноша принялся ловко нарезать тесто на кусочки и раскатывать сочни. Пусть они выходили не совсем круглыми, но для дела годились. Начинка сегодня была знатная: свинина с пекинской капустой. От Ли-ши осталась половина кочана, да и мяса в запасе ещё было немного. Чэн мелко порубил всё вместе, добавил щепотку соли для вкуса — и вот уже готова начинка на добрый десяток пельменей. Учитывая остатки жареной курицы, им двоим должно было хватить с лихвой.

Вэй Чэн не раз видел, как лепили пельмени Цинь-ши или женщины из семьи Вэй. Сам он взялся за это впервые, но память не подвела. Положив сочень на ладонь, он добавил ложечку фарша, сложил края, вывел аккуратные складки и сжал ладони — на свет появился пухлый пельмень, похожий на золотой слиток.

Сделав несколько штук, он обернулся к брату. Малыш уже разделил свой кусок на три части и скатал их в круглые комочки, больше похожие на колобки. Он то и дело тыкал в них пальчиком и шептал под нос:

— Это братику, это Горшочку, а это — Синъэру.

Чэн лишь покачал головой с улыбкой и вернулся к работе.

Вода в глиняном горшке уже закипела, над очагом поплыли клубы пара. Отогнав Горшочка подальше от огня, юноша начал опускать пельмени в кипяток. Туда же отправились и три плотных колобка, слепленных малышом.

Когда вода вскипела несколько раз, Вэй Чэн выловил угощение. Не успел он поставить тарелку на стол, как Сяо Юй заволновался:

— Братик, а булочки? Мои булочки готовы?

— Готовы, посмотри сам.

Среди белых нарядных пельменей сиротливо лежали три бесформенных куска варёного теста. Они не были ни круглыми, ни квадратными — просто горячие серые комки.

Малыш озадаченно замер. Затем он обхватил ногу брата и пробормотал без особого восторга:

— Братик... давай всё-таки отдадим булочки Синъэру.

Волчонок, привлечённый ароматом мяса, словно понял смысл слов. Оскалив зубы, он тяпнул Горшочка за матерчатый тапочек.

— Братик, Синъэр опять кусается! — с криком бросился наутёк Сяо Юй.

Вэй Чэн весело рассмеялся. Видно, и волчонка так просто не обманешь — невкусное тесто ему было не нужно.

Пока дети играли, юноша приготовил заправку: мелко порубил чеснок, добавил сушёного чили и пару ложек уксуса. Помня, что у брата вчера болел живот, он сделал ему отдельную плошку — просто с уксусом и соевым соусом.

— Хватит баловаться, за стол!

Он подхватил три пельменя и положил в миску Синъэру. Тот мгновенно забыл про погоню и, уткнувшись носом в еду, принялся за трапезу, довольно чавкая.

Вэй Чэн снова вымыл руки Горшочку и усадил его перед очагом.

— Сначала поешь, потом доиграете.

— Ладно! — Малыш, разругавшийся от беготни, первым делом подцепил палочками пельмень и положил в чашку брату. — Братик, кушай первый.

У юноши на душе потеплело. Погладив брата по голове, он кивнул:

— И ты ешь.

Тонкое тесто, сочная начинка и кислый соус — Горшочек уплетал угощение за обе щеки. Рот его быстро заблестел от жира, а на лице расплылась довольная улыбка. Те три комка теста выбрасывать было жалко, так что Вэй Чэн нарезал их тонкими ломтиками и бросил в наваристый бульон. Добавив уксуса, они с братом выпили по миске обжигающего варева, не оставив ни крошки.

Едва они закончили, снизу донёлся треск хлопучек — деревня начала встречать Бога очага. Вэй Чэн убирал посуду под весёлый топот Горшочка и Синьэра, которые с восторженными криками носились друг за другом. На сердце было спокойно и радостно.

Двадцать четвёртого числа выпал лёгкий снежок. Вэй Чэн и Горшочек провели этот день дома, лентяясь и отдыхая. Двадцать пятого юноша весь день рубил дрова, а двадцать шестого снег прекратился, но небо осталось тяжёлым и хмурым. Казалось, через день-другой нагрянет настоящий буран.

Они решили выйти пораньше: нужно было купить хлопок для одеяла и забрать из города железный котёл. К тому же в народе говорили, что в первый месяц года не пристало ни брать в долг, ни отдавать, так что следовало вернуть семье Вэй их корзину для еды.

По счастливой случайности телегой сегодня правил Ли Саньлан, сын старосты. Рядом с ним сидел миловидный братец-гээр — судя по сияющему лицу Саньлана, в семье царил лад и покой.

На телеге уже устроились Доумяо с матерью, а также Фан Вэнь и родные Шуаньцзы. Перед Новым годом даже в самых бедных домах старались выкроить копейку, чтобы съездить в город за припасами.

— Брат Чэн! Малыш! Сюда! — закричал Доумяо, махая им рукой.

Вэй Чэн подошёл, ведя за руку Горшочка с маленьким плетёным туеском за спиной. Ли Саньлан помог юноше закинуть в кузов тяжёлую корзину, прикрытую сеном.

— Снова дрова продавать?

Чэн кивнул:

— Да, брат Саньлан. Каждая монета на счету.

Хворост был тяжёл, но юноша брал его больше для отвода глаз, чтобы не вызывать лишних вопросов о своих доходах.

Саньлан уложил вещи и, приобняв своего спутника, негромко сказал:

— Братец Цю, это Вэй Чэн. Те два кувшина доброго вина, что ты вчера отцу возил — его подарок.

Глаза братца Цю радостно блеснули, и он тепло улыбнулся юноше. Вчерашняя поездка в родную деревню Цзяншуй принесла ему немало почёта: семья Ли не поскупилась на дары, а вино оказалось именно тем, что больше всего любил его тесть. Пусть его семья и была справной — иначе бы не выдали его за сына старосты, — но детей в доме было много, и отец берёт каждую копейку на приданое для дочерей и выкуп для сыновей. Доброе вино он видел редко, так что подарок Вэй Чэна его несказанно порадовал. Старик даже перестал косо смотреть на смуглого зятя и проговорил с ним весь вечер.

Вэй Чэн вежливо поприветствовал его и легонько подтолкнул Сяо Юя:

— Горшочек, поздоровайся.

— Здравствуйте, старший братец, — послушно пролепетал малыш.

Братец Цю уже давно заметил белого, как снег, ребёнка у ног Вэй Чэна.

— Какой славный малыш! Беленький, чистенький... Уж не гээр ли?

— Горшочек — маленький мужик! — звонко и гордо ответил кроха.

— Из такого красавца вырастет завидный жених, — рассмеялся Цю. Он достал из рукава платочек и вытащил из него хрустящую кунжутную конфету. — На, подели с братом.

Эту сладость Ли Саньлан купил ему в городе, чтобы тот не скучал в дороге. Горшочек взглянул на Вэй Чэна и, получив одобряющий кивок, принял угощение в розовую ладошку.

— Спасибо, старший братец. Вы очень добрый.

Братец Цю растроганно погладил его по голове. Зная от мужа о нелёгкой судьбе этих сирот, он

лишь вздохнул с жалостью:

— Золотой ребёнок.

Когда братья уселись рядом с Доумяо, Ли Саньлан, чуть покраснев, шепнул жене:

— Вот увидишь, и у нас детки будут такими же славными.

Братец Цю густо покраснел и, шутливо ущипнув мужа за руку, шикнул:

— Да ну тебя!

Саньлан дождался ещё нескольких попутчиков, и телега, мерно покачиваясь, тронулась в путь. Бык у старосты был крепкий и быстрый — не чета тому старому животному, на котором они ездили раньше. На ветру разговаривать было трудно — стоило открыть рот, как в горло врывался колючий холод.

В городе Вэй Чэн первым спрыгнул на землю и подхватил Горшочка.

— Доумяо, ты с нами или с матерью? — спросил он друга.

Тот уже готов был сорваться к ним, но Лань-шэньцзы строго окликнула его:

— Не хочешь обновок к празднику? Нечего Чэн-эр мешать делами заниматься. Быстро за мной!

Доумяо обиженно надул губы и поплёлся вслед за матерью.

Забирая корзину, Вэй Чэн случайно встретился взглядом с Фан Вэнем. Тот заметно осунулся, под глазами залегли тёмные тени. Он смотрел на юношу со смесью страха и какого-то странного оцепенения. Заметив ответный взгляд, Фан тут же отвернулся и поспешил скрыться за своими родными.

Чэн задумался.

«Что это с ним? Неужто совесть нечиста?»

— Братик, на, ешь, — Горшочек протянул ему хрустящую кунжутную конфету, которую всю дорогу берёт в кулачке. Сладость от тепла его ладони успела стать мягкой.

— Ешь сам, Горшочек. Я не хочу.

Но малыш был настойчив:

— Нет, ешь! Братик должен съесть!

Вэй Чэн сдался. Он отломил крохотный кусочек, а остальное отправил в рот брату.

— Я не очень люблю сладкое.

И это было правдой. Пусть все дети обожают конфеты, Вэй Чэн всегда предпочитал им добрый кусок мяса.

Горшочек довольно заработал челюстями, радостно причмокивая:

— Вкусно! Очень вкусно!

Хрустящие кунжутные конфеты стоили недёшево. Тёртые семена кунжута, смешанные с рисовой мукой и солодовой патокой, превращались в ароматное лакомство — белоснежное, хрустящее и в меру сладкое. Вэй Чэн разжевал свой кусочек: и правда, очень недурно.

Вообще-то он не любил, когда Горшочек брал подарки у чужих, но братец Цю был человеком добрым и искренним, так что обижать его отказом не стоило. В будущем он найдёт способ отблагодарить их семью.

После двадцать третьего числа в деревне считали, что каждый день — уже праздник. Людей в городе стало вдвое больше: старики и дети, мужчины и женщины — все сновали между торговыми рядами.

Вэй Чэн крепко сжал руку брата.

— Не отставай и никуда не убегай.

— Хорошо! — пообещал Горшочек, дожёвывая конфету.

Они поели ещё дома, а перед самым выходом перекусили мясными лепёшками, так что сейчас голод их не беспокоил. Братья не спеша двинулись сквозь пёструю толпу.

— Парные надписи! Покупайте праздничные надписи!

На каждой улице больше всего было еды, красных фонарей и свитков с иероглифами.

— Молодой господин, не желаете ли украсить дом? — окликнул их торговец. — Один большой набор, один иероглиф «счастье» для дверей и пять маленьких — всего двенадцать монет.

Вэй Чэн не успел ответить, как какая-то женщина из толпы спросила:

— А что тут написано?

Торговец, спрятав руки в рукава, охотно пояснил:

— «Пусть каждый год несёт покой, и каждая весна — удачу».

Женщина расспросила и про другие свитки. Торговец терпеливо объяснял смысл каждой фразы. В итоге она выбрала два набора, выторговала три монеты скидки и, довольная собой, ушла.

Продавец вздохнул, глядя ей вслед, и обратился к юноше:

— Я ведь грамоте обучен, читать умею, да только рука не так тверда, чтобы красиво писать. Эти свитки я в городской школе скупаю. Ученики там — гордецы, нос до неба воротят! Самим порой и миски риса купить не на что, а всё строят из себя благородных мужей. На нас, простых торговцев, и смотреть не желают. Но что верно, то верно: учение — дело высокое. Видишь, люди кистью машут и деньги гребут, не выходя из тепла, а я тут на морозе стою, глотку деру.

Вэй Чэн промолчал. Учение стоило огромных денег. Взять хотя бы Вэй Чжи из их семьи — талантами не блещет, только и делает, что орёт на весь дом, заучивая тексты, а сколько серебра на него уходит! Бумага, тушь, кисти, плата учителю... Вторая и Третья ветви семьи вечно грызлись со старухой Фан из-за этих трат.

Сам Вэй Чэн не грезил о чиновничьей карьере или славе. Ему нужно было кормить себя и брата. Нет у него ни лишних денег, ни десяти лет жизни, чтобы просиживать их в школе. Но грамоту он выучить хотел — как закончит счетами овладеть, возьмётся за письмо. Умение читать и считать — это сила, которая не позволит никому тебя обмануть.

— Дайте мне тот набор, про который говорили вначале, — сказал он. — Про покой и удачу.

— Двенадцать монет, — кивнул торговец и внезапно добавил сверху ещё несколько листков с иероглифом «счастье». — Глянулся ты мне, парень. Забирай, пригодится.

Поблагодарив его, Вэй Чэн повёл Горшочка дальше. Впереди собралась толпа. Там продавали жареные арбузные семечки, ароматные каштаны и горячий печёный батат. В праздники такие лакомства были в каждом доме — гостей угощать. Даже бедняки старались купить хоть горсть, чтобы не прослыть скверными хозяевами.

Чэн легонько сжал руку брата:

— Купим семечек и каштанов?

— Да!

Арбузные семечки были крупными, с тонкой кожурой и мясистым ядром. За интересной беседой их можно было щёлкать целый день. Зная, что из-за снега они могут долго не попасть в город, Вэй Чэн взял семечек на двадцать монет и пакет горячих каштанов за пять. Подумав о Доумяо и его матери, он попросил взвесить ещё один пакет для них.

Они шли, разделяя лакомство. Горшочек не умел чистить каштаны, так что Вэй Чэн сам очищал сладкую, рассыпчатую мякоть и клал брату в рот. Малыш от удовольствия аж зажмурился.

Закончив со сладостями, они отправились в тканевую лавку. И надо же — там они снова встретили Лань-шэньцзы и Доумяо. Мать с сыном, видать, так и не смогли определиться с покупкой. Друг стоял с постной миной, но, завидев их, тут же оживился и подбежал:

— Брат Чэн! Горшочек! Вы как тут?

— Братец Доумяо, на! — Сяо Юй протянул ему тёплый сверток с каштанами.

Доумяо, который любил поесть больше всего на свете, восторженно охнул:

— Жареные каштаны! Спасибо, Горшочек! — Он уже было потянулся к свертку, но замялся. — Ешьте сами, у меня дома мама тоже варила.

— Мы уже наелись, это специально для вас с тётушкой, — отрезал Вэй Чэн. Он кивнул на Лань-шэньцзы, которая вместе с приказчиком перебирала рулоны ткани. — Чего ты такой хмурый? Мать опять ругала?

Тот покосился на мать и зашептал:

— Она хочет сшить мне новый халат к Новому году, чтобы у дяди в гостях перед роднёй похвалиться. Только вот какую ткань ни приложит — говорит, лицу не подходит. Всё ей не нравится! А я-то что? У меня и отец, и мать смуглые, в кого мне быть белолицым? — Он с завистью посмотрел на братьев. — Вот вы — другое дело. Словно и правда родные братья, оба белые как сметана.

— Доумяо, иди сюда! — Лань-шэньцзы обернулась и с удивлением заметила гостей. — Ой, Чэн-эр? Вы тоже за тканью?

Вэй Чэн не стал скрывать:

— В первый месяц года ветра в горах лютые. Как кан ни топи, а всё зябко. Хочу купить хлопка, чтобы сшить хорошее тёплое одеяло.

Лань-шэньцзы понимающе кивнула:

— Дело нужное. Купи хлопок, а я вам сошью. Денег-то хватит?

— Хватит, тётушка. Только за работу я обязательно заплачу, иначе в городе закажу.

Женщина фыркнула:

— Нечего деньги на ветер швырять! Я сама всё сделаю.

Для одеяла и матраса требовалось не меньше трёх цзиней хлопка, что обошлось Вэй Чэну в одну таэль и шестьсот восемьдесят монет. Ещё семьдесят ушло на прочную ткань для чехлов. Пока юноша отсчитывал монеты, Лань-шэньцзы не подсматривала, но когда увидела, как он, не моргнув глазом, выложил почти две таэли серебра, лишь изумлённо цокнула языком. Вдруг она услышала странный хруст, будто мыши в углу что-то грызут. Обернувшись, она увидела своего сына и Горшочка, которые, притаившись за прилавком, увлечённо уплетали каштаны.

Глядя на них, она подумала: обоим мальчишкам по восемь лет, а какая пропасть между Доумяо и Вэй Чэном...

— Тётушка, на, — Горшочек подбежал к ней и протянул на ладошке очищенные, чуть помятые кусочки каштана.

Лань-шэньцзы погладила его по щеке, и сердце её окончательно растаяло:

— Ой, какой заботливый, даже тётушке каштанов почистил.

Она снова вздохнула: да что там Чэн, её Доумяо даже пятилетнему Горшочку в сообразительности проигрывал.

Наконец Лань-шэньцзы выбрала для сына ткань приятного синего цвета. Когда они вышли из лавки, со стороны кондитерской донеслись зазывные крики:

— Свежие хрустящие кунжутные конфеты! Тягучая патока! Целебные леденцы из груши! Имбирный сахар с юга!..

Матушка Доумяо спросила:

— Чэн-эр, купим детям сладостей? Я возьму немного, родню мужа на праздники угощать.

Вэй Чэн посмотрел на Горшочка — у того при слове «конфеты» глаза стали как плоски.

— Пожалуй, и я возьму.

Лань-шэньцзы снова подивилась про себя: видать, юноша и правда нашёл верный способ заработать. Одеяло — это для жизни необходимо, но и на сладости он денег не жалеет... Она не завидовала, лишь радовалась за сирот, и, конечно, помалкивала перед чужими.

Пусть сахар стоил дорого, в эти дни в лавке было не протолкнуться. На полках теснились корзины с разноцветными цукатами и плодами в меду. Самые дешёвые сладости из дикого боярышника стоили десять монет за лян — это были просто сушёные ягоды, едва тронутые сиропом.

Вэй Чэн подхватил Горшочка на руки:

— Выбирай, что хочешь.

Глаза малыша разбежались. Он ткнул пальчиком в нарядные кунжутные конфеты:

— Горшочек хочет вот такие.

— Хорошо. Ещё что-нибудь?

Сяо Юй послушно покачал головой:

— Больше не надо, братик.

Хрустящие кунжутные конфеты были тяжёлыми, в одной ляни выходило всего четыре-пять штук. До Нового года было ещё далеко, так что Вэй Чэн взял три ляни, выложив за них пятьдесят монет. Лань-шэньцзы тоже закончила покупки, её сверток выглядел весьма внушительно. Она попыталась было поделиться с ними, но юноша вежливо, но твёрдо отказался:

— Тётушка, я Горшочку уже купил, а вам ещё гостей принимать. Оставьте себе.

Едва они отошли от лавки, как раздался звон гонгов и бой барабанов. Толпа повалила на площадь.

— Что там за шум? — спросила Лань-шэньцзы у прохожего.

— Бродячие артисты представление дают!

Доумяо загорелся:

— Матушка, пойдём посмотрим!

— Такие труппы только в праздники и забредают, — кивнула женщина. — Пойдём, повеселимся.

Вэй Чэн, крепко держа Горшочка за руку, последовал за ними. У круга зрителей уже слышались восторженные крики. На импровизированной сцене пять-шесть человек в гриме творили чудеса. Кто-то, обнажившись по пояс, лихо крутил копьё, кто-то выдувал изо рта столбы пламени под испуганный плач малышей. Один умелец на ходулях удерживал на голове стопку чаш, заставляя зрителей ахать от страха при каждом его неловком движении. Прекрасная дева с распущенными волосами кружилась в танце с мечом, и в её движениях чувствовалась истинная сила.

Шустрая девчушка с корзинкой обходила толпу, выкрикивая поздравления, и люди охотно бросали ей медные монеты. Народу становилось всё больше, и в какой-то момент Вэй Чэн и Горшочек в мгновение ока разминулись с Доумяо и его матерью.

Юноша увлечённо наблюдал за шоу, как вдруг почувствовал, что братишка потянул его за руку.

— Горшочек, что случилось?

— Братик, смотри!

Он проследил за жестом брата. Неподалёку юркий, похожий на крысу человек запустил руку в широкий рукав пожилой дамы в дорогом платье с меховой оторочкой. Выудив что-то, вор воровато огляделся и бросился прочь.

Не успел Вэй Чэн и глазом моргнуть, как Горшочек уже бросился в погоню.